

Вышенская Юлия Павловна

ПРОЦЕССЫ СТИЛЕПОРОЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ЗРЕЛОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В статье предлагается попытка изучения процессов стилепорождения периода зрелого Средневековья и Ренессанса в рамках дискурсивной парадигмы. Дискурсивность феноменов стиля и текста обуславливает обращение к макро- и микроуровням текста. Исследование осуществляется с опорой на трактовку данного феномена как единства всех компонентов культуры. Специфика стиля произведений средневековой литературы рассматривается с учётом особенностей социокультурной, языковой и этнической ситуаций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 79-83. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Голиков А. С., Калашникова А. А. Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2010. Вып. 16. С. 124-130.
5. Зубанова Л. Б., Шуб М. Л. Визуальные практики в медиальном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 80. № 21 (312). С. 222-226.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Изд-е 4-е, доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
7. Сорокин Ю. А., Тарасов Ю. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 240 с.
8. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен Интернет-коммуникации // Науч. диалог. 2012. № 3. С. 161-173.

DEMOTIVATOR AS NEW TYPE OF CREOLIZED TEXTS (SPECIFICITY OF COMPONENTS)

Voronina Olesya Anatol'evna

Chen' Sykhan'

Vladivostok State University of Economics and Service

olesya-v-86@mail.ru

The article considers the notion of demotivator as a new type of a creolized text. The aim of this article is to determine the boundaries of demotivator as a type of a creolized text. The authors identify the role of demotivator in modern youth's communication, considering the basic interpretations of demotivator in linguistic science, as well as determine the specificity of demotivator verbal and iconic components.

Key words and phrases: creolized text; demotivator; verbal component; iconic component; paralinguistic means.

УДК 81/112

Филологические науки

В статье предлагается попытка изучения процессов стилепорождения периода зрелого Средневековья и Ренессанса в рамках дискурсивной парадигмы. Дискурсивность феноменов стиля и текста обуславливает обращение к макро- и микроуровням текста. Исследование осуществляется с опорой на трактовку данного феномена как единства всех компонентов культуры. Специфика стиля произведений средневековой литературы рассматривается с учётом особенностей социокультурной, языковой и этнической ситуаций.

Ключевые слова и фразы: стиль; микроуровень текста; макроуровень текста; узуральный / широкий дискурс; ситуация.

Вышенская Юлия Павловна, к. филол. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

clemence_isaure@rambler.ru

ПРОЦЕССЫ СТИЛЕПОРОЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ЗРЕЛОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ[©]

Предлагаемое исследование обращено к изучению процессов стилепорождения, которые протекали в европейском, в том числе и английском, социокультурном пространстве периода Средневековья и раннего Возрождения.

В связи с этим представляется важным установить связи современной исторической стилистики с теорией стиля более раннего этапа развития и новейшими достижениями в области дискурс-анализа, выявить специфику культурно-лингвистического универсума рассматриваемого временного периода, как и влияния, оказываемого ею на формирование стиля произведений средневековой словесности, установить и описать этнолингвистические особенности изучаемых процессов в Англии.

Специфика исторической стилистики, заключающейся в изучении различных аспектов языка и стиля, прежде всего на основе письменных источников, в течение некоторого времени препятствовала использованию дискурсивной парадигмы для изучения текстов средневековой словесности.

Между тем отмеченное своеобразие исследований в области исторической стилистики можно считать яркой иллюстрацией характера отношений, которые возникли между компонентами триады «текст – дискурс – стиль», получившей коррекцию в современных трудах.

Так, в качестве отправной точки исследования О. Н. Гронской предлагаются различные проявления форм существования дискурса.

Одной из них является абстракция, то есть, отсутствие у дискурса «идеального, сверхъестественного либо другого конкретного авторского нормоустановительного происхождения» [4, с. 13]. В силу динамичности, историчности, диахроничности своей природы формирование дискурса происходит как абстрагирование

из необъятного, но всё же исчисляемого количества конкретных, материальных текстов. На этом основании текст предстаёт «реальным, материальным, единичным воплощением дискурса – идеи, дискурса как нормы и образа» [Там же]. Иными словами, текст, по метафорическому определению В. А. Миловидова, образуется вследствие отвердевания дискурса [7, с. 24].

Текстовый уровень, уровень словаря и литературных операций, на котором происходит реализация стиля, формирует роль стиля как придание «некой целостности и набору различных элементов» особого звучания [12, с. 100]. Принимая во внимание указанные обстоятельства можно охарактеризовать отношения рассматриваемых феноменов как комплементарные (взаимодополняемые).

Произведения художественной коммуникации в рамках дискурсивного подхода получают новое осмысление. Так, комплекс вопросов, связанный с параметрами стилепорождения, также освещается с учётом понимания стиля и текста как дискурсивных феноменов.

Превращение текста и его стиля в феномены дискурсивного порядка, по замечанию Е. А. Гончаровой, – результат событийности, сообщённой им дискурсом. Указанное качество появляется вследствие наличия конструкта «ситуативность», или «ситуация», положение которого приоритетно, поскольку заложено в самом семантическом ядре дефиниции дискурса.

Проявление характерной стилю двойственности природы, а также его функция «скрепы» по отношению к тексту и дискурсу наблюдается в совмещении стилем собственно языковых и неязыковых черт, иначе известных как ситуационных, взаимосвязанных друг с другом [3, с. 33].

Частным феноменом ситуационных черт выступают художественные ценности, обретающие фиксацию в текстах как культурно-исторические ценности определённой части общества, что входит в понятие дискурса [Там же].

Следует отметить, что на важность ситуации при анализе текста, исследователями обращалось внимание и на более ранних этапах развития теории текста, дискурса и стилистики.

Так, в работах Р. Барта выделяется особое направление, фигурирующее под термином транслингвистика (*linguistique du discours*) – лингвистика связного текста, как единый раздел семиотики. Объектом транслингвистики выступает связный текст (*discourse*) – «любой конечный отрезок речи... некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемого со вторичными коммуникативными целями, и имеющий соответственно этим целям внутреннюю организацию» [1, с. 444], противопоставляемый собственно тексту (*texte*), для отношений которых характерны как непосредственно языковые (*langue*), так и иные культурные параметры.

Объектом транслингвистики вбирается «всё бесконечное разнообразие фольклорных и литературных текстов, классифицируемых на основе литературности / нелитературности, а также формы существования: письменность / устная форма» [Там же].

Связь с факторами неязыкового (экстралингвистического) характера позволяет и делает необходимым ориентированность связного текста на ситуацию, признание за ситуацией «статуса полноправного компонента его структуры», поскольку, с одной стороны, ею определяется иерархия уровней, а с другой – благодаря ей становится возможным применение новых транслингвистических коммутаций [Там же, с. 447].

В современной лингвистике идеи Р. Барта получают дальнейшее развитие и выражение в результате апелляции современных исследований к понятиям микро- и макроуровней текста, его ситуативности и процессуальности.

Под микроуровнем текста понимаются языковые единицы, которые, как отмечает Е. А. Гончарова, вовлекаются «в смысловом и речевом целом словесного произведения в определённые... “ситуационно” обусловленные системные и структурные корреляции», и за счёт этого образуют (лингвистилистический) контекст [3, с. 32].

Макроорганизация, или макроуровень, при этом подразумевает общее «для определённого времени состояние общественного сознания, общественные социально-политические исторические приоритеты определённой части социума, общественные нравственные и / или художественные ценности, фиксируемые текстами, что в сумме даёт “дискурс”» [Там же, с. 33].

«Встроенность» или встраивание текста в дискурс имеет результатом актуализацию такой характеристики, как процессуальность, что означает не только открытость текста внешним влияниям, но также и «внутреннюю взаимоподчиняемость свойств текста и его мира и их устремлённость к систематике (упорядоченности по определённым критериям) и их взаимосемантизации» [14, с. 47]. Такого рода взаимоотношения дают основание считать, что «в случае дискурсивно ориентационного анализа текста и стиля текста действуют синергетические механизмы микроорганизации за счёт изменений на микроуровне» [8, с. 204], и, наоборот, в зависимости на микроуровне от макроорганизации [3, с. 32] (ср.: [19, S. 43]).

В рамках такого подхода, характерного для синергетической парадигмы, по словам Е. А. Гончаровой, анализ триады «текст – дискурс – стиль» позволяет увидеть «макроуровень дискурсивной формации, представленной в тексте в виде атомарно присутствующих в отдельных композиционно-архитектонических элементах текста, которые способствуют созданию “модуса” его формулирования (стиля)» [3, с. 33]. Языковые единицы и их совокупности, выступая в роли эксплицитного выражения стиля, «кодируют» имплицитные, сопутствующие тексту информации, поскольку стиль как способ целенаправленного использования языка говорящим с целью выразить своё отношение к определённой теме в определённой ситуации всегда является свидетелем чего-то в дополнение к предметно-тематическому содержанию текста [Там же] (ср.: [1, с. 448]).

Обращаясь к работам представителей зарубежной научной мысли, нетрудно заметить центральность позиции, отводимой ситуации. Она просматривается во многих исследованиях, посвящённых кругу вопросов о тексте, дискурсе и стиле [15, p. 188; 18, S. 47].

Для дальнейших рассуждений важным представляется замечание О. Н. Гронской о существовании универсальных и широких дискурсов и дискурсов более частного и узкого характера [4, с. 15].

Текст в широком понимании, подразумевающим тексты как словесной коммуникации, так и не принадлежащие к литературным видам искусства, представляет собой форму существования концептуально-эстетического аппарата дискурса.

Объективные потребности субъекта в текстовом выражении некоторых значений и смыслов выступают порождающими силами появления текста или формирования дискурса. В зависимости от характера потребностей субъекта внутри дискурса наблюдается градация на универсальные и широкие, и частные, и узкие его виды. При условии наличия известного рода «концептуальных отношений, системных и / или иерархических» такой дискурс можно считать метадискурсом и его модификациями. Таким образом, место метадискурса в концептуальном ряду «культура – литература – архитектура – скульптура – изобразительное искусство», отводится культуре, остальные формы представляют собой его модификации [Там же, с. 14].

Литература, будучи составляющей концептуального ряда «культура – литература – архитектура – скульптура – изобразительное искусство», представляет собой модификацию метадискурса «культура», обладает таким качеством, как восприимчивость, что предполагает фокусирование на тех характеристиках языка, которые сигнализируют о взаимодействии сознания, осознания говорящим голоса другого. Анализ и интерпретация литературных произведений как неотъемлемых составляющих коммуникативных трансакций, которые, в свою очередь, являются релевантными лингвистике, семиотике и, в широком смысле слова, психологии [16, р. 94].

Стиль, по определению П. Д. Волковой, – «единство всех компонентов культуры», что можно наблюдать на примере созданного своего стиля готикой [2, с. 156].

Единый художественный стиль средневековой культуры, которой на временной шкале отводится тысяча лет, образуется в результате взаимодействия различных видов искусства.

Анализ наследия представителей итальянской гуманистической мысли позволяет И. Б. Крайневой прийти к заключению о существовании в творческой интеллектуальной среде стремления установить универсальные законы развития всех видов искусства. Значительный вклад был сделан флорентинским гуманистом Леоном Баттистой Альберти, основу художественных поисков которого составляли возрожденные античные принципы *ut pictura poesis* (поэзия как живопись) и *ut rhetorica pictura* (живопись как риторика). Изучая законы развития видов искусства друг из друга как самостоятельные, не дублирующие ни религиозные, ни природные, Джозеффо Царлино в области музицирования сформулировал принцип *ut picture musica* (музыка как живопись), оригинальная идея которого принадлежала другому флорентинцу, Леонардо да Винчи [5, с. 81].

Искусство готики, известное в средневековом мире как французское, возникло и получило своё оформление в королевском домине Иль-де-Франс. Квинтэссенцию готического искусства являет собой архитектура средневекового готического собора, его роль в жизни средневекового города. Собор, центр культурной, общественной и политической городской жизни, – наивысшее «полное и цельное выражение [синтеза искусства в готике]. Скульптура, орнаментальные украшения, живопись витражей... неразрывно связаны с архитектурным замыслом и подчинены ему для лучшего воплощения основной идеи сооружения – возвышения человека» [13, с. 133]. Архитектура, по мысли В. Л. Романовой, как и тесно связанные с ней скульптура и живопись витражей, находилась в тесном взаимодействии с другими областями средневекового искусства [Там же].

В рамках современной терминологии собор можно рассматривать как воплощение концептуального ряда, упоминаемого выше.

Включённость литературной модификации средневекового метадискурса делает закономерным её связь с философией эпохи, поскольку как искусство, так и наука представляют собой формы общественного сознания, которые наряду с другими его формами определяют общественное бытие людей. Способы репрезентации исторической действительности при этом реализуются за счёт арсенала средств, имеющихся в распоряжении у каждой из форм, специальная роль каждой из которых в общественной жизни своя, отличная [Там же, с. 135].

Стиль, как указывает П. Д. Волкова, узнаваем по детали, так как она всегда несёт характеристику целого [2, с. 156].

Готический стиль возник и развивался на почве романского стиля, по существу являя собой его преобразование путём введения почти неуловимых на первый взгляд новшеств [6, с. 10].

Сторонником этой позиции является французский исследователь Д. Пуарьон. Размышляя о взаимосвязи структуры общества и системы литературных структур, он приходит к выводу о том, что их надлежит объединить посредством третьей структуры, культуры, которой отводится роль посредника. Специфика посреднического типа формируется связью культуры с одновременно социальной и психологической типами реальности. Как следствие, культура становится стимулом взаимодействия абстрактного с материальным, средой обретения литературными знаками своего смысла. Обязательным условием постижения этого смысла является установление характера связи истории культуры, литературы и общества. Отмеченная специфика существенна для анализа текстов средневековых литературных произведений – точек пересечения гетерогенных, порой враждебных друг другу культур [20, S. 15].

Иллюстрацией приведённого выше суждения Д. Пуарьона о сосуществовании и взаимодействии двух культур можно рассматривать куртуазную и учёную поэзию в период высокого Средневековья. Эту сферу обновления практически не затронули, поскольку, в силу объективных обстоятельств, она следовала стилистико-риторическим идеалам покидающей историческую сцену аристократической культуры. Наиболее исчерпывающее описание сложившаяся ситуация получила в исследовании Дж. Ненчони на материале произведений Данте. Упомянутая «стилистическая стойкость» (термин Губера) спровоцировала парадокс тосканского

языка: период наибольшей зрелости поэтических языковых средств в поэзии Данте соответствует периоду упадка того общественного класса, который должен был стать его носителем. Как следствие, на стилистическую традицию, по праву считавшуюся самой утончённой, ложится печать замкнутости. Это, в свою очередь, ведёт к размежеванию унаследованной от прошлого традиции и органически развивающейся разговорной и бытовой письменной речи, но вместе с тем к обретению куртуазной стилистической традицией высокого градуса устойчивости и внутреннего единства [11, с. 193-194].

Художественное произведение не всегда возможно идентифицировать с какой-то одной конкретной социальной группой определённого временного периода. Магистральное направление развития литературы – синтез многочисленных традиций, наследницей которых является новая культура [20, S. 15].

Воцарение готического стиля в искусстве знаменует смену фантазмагорического мира романского искусства «кодухотворённым благородством образов» [10, с. 19], что позволяет выделить в качестве характерных особенностей искусства XIV века рационализм и эстетическую утончённость [6, с. 112].

Отмеченные черты конкретизируются в тех работах П. П. Муратова, где им рассматриваются вопросы, посвящённые специфике итальянской готики. «Система декоративных мотивов», выделенная им как специфическая черта готического итальянского стиля на основании анализа произведений готического тосканского искусства [9, с. 236], вполне можно экстраполировать и на английский готический стиль.

Европейские культурные веяния затронули и Англию XIV века, в которой, как и в других европейских странах, готика получает свою этническую специфику.

Наиболее глубокое национальное литературное влияние на английскую поэзию того времени оказало творчество Дж. Чосера. Стихи и поэмы того периода представляют, собственно, отголоски и аллюзии на его произведения, поэтому их авторы, английские и скандинавские поэты, вошли в историю мировой литературы под именем «чосерианцы». Следование стилю Дж. Чосера подразумевает признание его образцом для подражания.

Споры теоретического характера по ключевому для периода Ренессанса вопросу «народный язык vs классический язык», как и пути усовершенствования или украшения народного языка с целью превратить его в пригодный для литературных целей датируются в Англии XVI веком. Следует отметить, что условия, необходимые для такого рода дискуссии, сложились уже в XV веке, с признанием величия и авторитета Дж. Чосера по аналогии с ситуацией, наблюдаемой в Италии после смерти Данте.

Действительно, искусству красноречия поэты позднего Средневековья во многом учились у Дж. Чосера. Порой стремление к отточенности слога и изысканности стиля может показаться самодовлеющим, однако в творчестве лучших представителей литературного цеха такую тенденцию можно рассматривать как творческую неудовлетворённость, желание продемонстрировать риторическую искущённость, достичь совершенства.

Как полагают, стремление к красноречию, стилистической изысканности на родном языке связано с интересом к аналогичным качествам в латыни. Не случайно пособие известного и авторитетного автора Л. Валь «*Elegantiae Linguae Latinae*», которое вышло в свет в 1471 г., пользовалось успехом.

Для достижения стилистической утончённости в текстах художественной литературы стали использовать слова латинского происхождения (*celicale* «небесный», *nebule* «облако»). Подобный стилистический приём выкристаллизовался в самостоятельную черту художественного стиля, обозначаемую термином «golden» (золотой), или «aureate», который, как полагают, был предложен Лидгейтом. По мнению Д. Грея, значение её часто преувеличивается и неправильно истолковывается. Действительно, отмеченная черта не входит в перечень обязательных для стиля позднесредневековой поэзии, между тем приметы «golden» стиля можно наблюдать в творчестве лучших представителей английской поэзии XV века, как правило, в религиозных поэмах, прославляющих Деву Марию.

Обращение поэтов к ритму и вокабуляру разговорной речи можно полагать ещё одним примером стилистических экспериментов [17, p. 126].

Всем ходом развития лингвистической науки второй половины XX в. и начала XXI в. было подготовлено создание современного теоретического методологического аппарата, широко и плодотворно применяемого в кругу исследований, обращённых к изучению стиля произведений художественной коммуникации, значительно отдалённых от учёного сегодняшнего дня. Приятие исходным положением дискурсивной природы стиля и текста раздвигает границы исследовательской деятельности и позволяет рассматривать сугубо лингвистические феномены и как феномены культурного порядка, с учётом при этом их этнической окрашенности.

Список литературы

1. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 442-450.
2. Волкова П. Д. Мост через бездну. М.: Зебра Е, 2009. 256 с.
3. Гончарова Е. А. Текст – дискурс – стиль как когнитивное, коммуникативное и интерпретационное триединство // Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 10-34.
4. Гронская О. Н. Нарративный фантастический дискурс в немецкой этнокультуре: монография. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. 424 с.
5. Крайнева И. Б. Эстетика живописи кватроченто и античная идея о родстве живописи и поэзии // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 80-89.
6. Лясковская О. А. Французская готика. Архитектура. Скульптура. Витражи. М.: Искусство, 1973. 173 с.
7. Миловидов В. А. От семиотики текста к дискурсу: пособие по спецкурсу. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 98 с.
8. Можейко М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм. Смоленск: Изд-во СГУ, 2004. 237 с.

9. Муратов П. П. Образы Италии. М.: Галарт, 2008. Т. I. / ред., коммент. и послесл. В. Н. Гращенкова. 328 с.
10. Муратова К. М. Мастера французской готики XII-XIII вв. Проблемы теории и практики художественного творчества. М.: Искусство, 1988. 350 с.
11. Ненчони Дж. Между грамматикой и стилистикой // Современное итальянское языкознание. М.: Прогресс, 1971. С. 187-223.
12. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Советский писатель, 1978. 446 с.
13. Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII-XIV вв. По материалам рукописных книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.: Наука, 1975. 239 с.
14. Фарино Е. Введение в литературоведение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
15. Coupland N. Language, Situation, and Relational Self: Theorizing Dialect Style in Sociolinguistics // Style and Sociolinguistic Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 185- 211.
16. Fowler R. Literature as Social Discourse. Bloomington: Indiana University Press, 1981. 215 p.
17. Gray D. Later Poetry: the Courtly Tradition // History of Literature in the English Language. London: Sphere Books, 1970. Vol. I. The Middle Ages. P. 107-159.
18. Lerchner G. Sprachform von Dichtung. Linguistische Untersuchungen zu Funktion und Wirkung literarischer Text. 2. Aufl. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1986. 263 S.
19. Mirazo Balza M. Dependenzuelle Beziehungen im Text // Studia Linguistica. Wrocław, 2012. Vol. XXXI. S. 37-59.
20. Poirion D. Histoire de la littérature médiévale et histoire sociale: Perspectives de recherches // Literatur in der Gesellschaft des Spätmittelalters. Heidelberg: Winter, 1980. Vol. 1. Begleiterreiche zum GRLMA. S. 13-17.

PROCESSES OF STYLE CREATION IN LITERARY DISCOURSE OF LATE MIDDLE AGES AND EARLY RENAISSANCE

Vyshenskaya Yuliya Pavlovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
clemence_isaure@rambler.ru

The article undertakes the attempt to study the processes of style creation during the period of the Late Middle Ages and the Renaissance within the framework of discursive paradigm. The discursive nature of style and text phenomena conditions the reference to the macro- and micro-levels of a text. The research is carried out relying on the interpretation of this phenomenon as the unity of all the components of culture. The specificity of medieval literary works style is considered, taking into account the features of social-cultural, linguistic and ethnic situations.

Key words and phrases: style; micro-level of text; macro-level of text; usual / broad discourse; situation.

УДК 811.511.131'37

Филологические науки

В данной статье рассматриваются некоторые «традиционные» черты характера удмуртов, не раз зафиксированные в этнографических источниках XIX – начала XX в. В работе понятия востэм ‚безобидный, скромный, тихий, добродушный, мягкий, кроткий, смиренный, застенчивый‘, дыг ‚медленный, медлительный, нерасторопный; ленивый, вялый; неповоротливый‘ и вог ‚упрямый; капризный, своенравный‘ рассмотрены с концептуальной позиции. В ходе исследования было выявлено, что данные черты характера носителями языка оцениваются отрицательно. К таким выводам подвел анализ лексических, фразеологических единиц, а также пословиц и поговорок.

Ключевые слова и фразы: традиционные черты и качества характера; понятия; *востэм*; *дыг*; *вог*; стереотипы и нормы поведения; фразеологизмы.

Душенкова Татьяна Рудольфовна, к. филол. н.

*Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
dushenkovatr@mail.ru*

ПОНЯТИЯ *ВОСТЭМ*, *ДЫГ* И *ВОГ* В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

В данной статье речь пойдет о некоторых традиционных чертах характера удмуртов, на которые обратили внимание этнографы, историки и другие исследователи, а также сами удмурты. На страницах периодических изданий, в СМИ, в художественных текстах (Г. Красильников «Кошкисез мед кошкоз...» («Уходящий пусть уходит...»), А. Оки «Возьдаськон» («Робость/застенчивость») и др.), в будничных разговорах часто слышишь: *Удмуртъёс туж вогесь, куатаськисесь* (Т. Г. Владыкина) „Удмурты очень упрямые, обидчивые“ (см. также в работе автора [4, с. 64-68]); долго раздумываем, прежде чем принять решение, вместо того, чтобы хватать быка за рога. Национальная черта. Долго раскачиваемся.